

Ненавижу дважды

18+

Вера Грин

Ненавижу дважды

«Автор»

2026

Грин В.

Ненавижу дважды / В. Грин — «Автор», 2026

Она планировала искать работу мечты, а он — доказать отцу, что станет миллиардером без его денег. Оба оказались в одном бизнес-центре: она — секретарь, он — мальчик на побегушках у деспотичного директора. Что делать, если единственное, чего хочется больше всего — это придушить друг друга прямо за офисным кулером?

© Грин В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	8
Глава 3.	10
Глава 4.	12
Глава 5.	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Ненавижу дважды

Глава 1.

Солнечный июньский день обнимал новостройку. Маша выпорхнула из кабины лифта на своем седьмом этаже, и тяжелые железные двери сомкнулись за ее спиной с мягким шипением. Она была абсолютно, неприлично счастлива.

Она только что получила диплом пиарщика — четыре года зубрежки сессий позади. Впереди маячила взрослая жизнь в собственной однушке, куда она торжественно перевезла вчера одну коробку с книгами и любимый кактус, мечты о собеседованиях в крутых агентствах и утреннем кофе не из маминой турки. Свобода пахла свежей краской в подъезде и нагретым асфальтом.

Маша тряхнула волосами, достала связку ключей из кармана и уже поднесла их к замочной скважине своей двери, когда металл предательски выскользнул из пальцев. Ключи со звоном разлетелись по бежевому керамограниту.

— Да ёлки! — выдохнула она, резко наклоняясь. Спина протестующе щелкнула после целого дня сборов коробок.

Именно в эту секунду — неловкую, вниз головой, с растрепанной челкой — замок соседней квартиры тихо пискнул электронным сигналом. Дверь открылась, и на площадку вышел Сеня. С огромным бумажным пакетом еды навынос, от которого тянуло пряной курицей.

Мир для обоих замер ровно на полсекунды.

Это было до смешного нелепо. Они помнили друг друга сопливыми детьми, которые дрались лопатками в одной песочнице детского сада. Потом они сидели за одной партой в школе, где списывали друг у друга контрольные по физике, делая вид, что презируют компанию соседа. В универе судьба снова пошутила: они оказались в одной группе будущих пиарщиков, спорили до хрипоты над каждым проектом и делили звание главных конкурентов на потоке. И вот теперь, когда Маша наконец-то вырвалась из-под родительского крыла, оказалось, что Сеня тоже съехал от своих родителей, подаривших ему квартиру в этом же крыле. Буквально дверь в дверь.

Первым фыркнул Сеня, глядя на Машин топик, ключи у ее ног и задранный кверху нос.

— Оригинальная стратегия входа, Романова. Кланяешься порогу? Надеешься, что бетон пустит жить бесплатно?

Маша разогнулась, подобрала ключи и демонстративно стерла несуществующую пыль с шорт.

— Отвали, Орлов. Оцениваю качество укладки плитки. Кажется, застройщик сэкономил так же сильно, как ты на дезодоранте.

Сеня глубоко вдохнул носом, демонстративно втянув живот, и театрально повел плечами.

— Во-первых, это селективный парфюм с нотами успеха. А во-вторых... — он осекся, когда Маша прищурилась, переводя взгляд с его ключиц на номер квартиры прямо над глазком. Ее брови поползли вверх, а губы искривились в ядовитой усмешке.

— Погоди-ка. Ты что тут вообще делаешь? Подрабатываешь курьером для доставки своих жалких шуток по этажам?

Уголки губ Сени дрогнули. Он прислонился голой спиной к прохладной обивке своей двери, совершенно не стесняясь того, что стоит посреди общего коридора практически раздетый.

— Вообще-то я тут живу, Романова.

Воздух в подъезде словно загустел от повисшей паузы.

— Чтооо?! — взвизгнула Маша так громко, что где-то выше по этажу тревожно пискнула автосигнализация припаркованной у подъезда машины. — Ты издеваешься?! Это я тут живу! Семьдесят четвертая квартира!

Сеня стоял в одних низко сидящих спортивных шортах, красуясь своим неприлично хорошим молодым торсом. Капля воды стекла с мокрых темных волос по рельефным мышцам живота прямо за резинку ткани. Очевидно, он только что вышел из душа.

Маша скрестила руки на груди.

— Фу, — прошипела она. — Прикрылся бы, местный фитнес-бог. Ты тут не один, хоть полотенце накинь для приличия.

Сеня широко, белозубо улыбнулся, ничуть не смутившись. Он сделал полшага вперед, сокращая дистанцию до опасной, и оперся рукой о стену прямо над ее плечом.

— Любуясь, пока дают, Романова. Следующий сеанс стриптиза в общем коридоре — строго по записи и платный. За просмотр диплома пиарщика скидки не предусмотрены.

Маша прыснула злобой, но отступить было некуда — сзади была стена, а сбоку этот наглый обнаженный пресс.

— Знаешь, Орлов, — она ткнула его пальцем в каменный бицепс, стараясь смотреть куда угодно, только не на влажные капли на его коже. — Если бы твой мозг работал хотя бы вполовину так же хорошо, как твоя генетика...

Она резко оттолкнулась от стены, проскользнула под его рукой, едва не задев его локтем свой пакет с продуктами, и рванула ручку своей — настоящей — двери. Замок щелкнул, отсекая ее от жары коридора и запаха чужого геля для душа.

Сеня резко приблизился, перехватывая ее указательный палец своей горячей ладонью и прижимая тонкое запястье к стене рядом с дверным звонком. Пространство коридора мгновенно сократилось до размеров телефонной будки. Он навис над ней, опираясь второй рукой о стену у ее головы, отрезая пути к отступлению.

— Не надо слов, Романова, — перебил он низким, вибрирующим голосом, от которого по позвоночнику Маши вопреки всякой логике пробежал колющий разряд. Его глаза потемнели, превращаясь из обычного карего цвета в горький шоколад. Он медленно скользнул взглядом по ее губам, шее, ключицам и обратно к глазам — тяжелым, откровенно томным взглядом человека, который прекрасно знает, какое впечатление производит. — Так и скажи, что хочешь меня.

Маша замерла. Воздух между ними стал плотным и наэлектризованным. Запах его шампуня — острый, цитрусовый, мужской — ударил в нос. Она дернула руку, но хватка была железной.

— Фу, — выдохнула она, морщась и яростно мотнув головой, чтобы сбросить это липкое наваждение. — Отойди от меня, самовлюбленный индюк. У тебя солнечный удар после душа?!

И тут Сеня очень громко рассмеялся. Громко, раскатисто, запрокинув голову так, что кадык на мощной шее дернулся. Это был смех абсолютного победителя, которому даже не нужно побеждать — жертва сама лезет в капкан. Пользуясь тем, что он отвлекся на свой триумф, Маша резко выдернула руку, поднырнула под его локтем и рванула ручку своей двери.

— Я знаю, ты хочешь меня! — победоносно прокричал он ей вслед, пока она влетала в прихожую.

Дверь захлопнулась с оглушительным грохотом. Маша повернула замок на два оборота, привалилась спиной к холодному дереву и часто-часто задышала, пытаясь успокоить скачущее сердце. В ушах шумело. И снова раздался этот невыносимый, самодовольный голос:

— Слышишь? Я все зна-а-аю!

Кровь бросилась Маше в лицо. Она со всей силы пнула дверь ногой.

— Идиот! — крикнула она в пустоту лестничной клетки, надеясь, что звук пробьет стену. — Кретин озабоченный! Купи себе майку!

В ответ из подъезда донесся лишь новый взрыв хохота.

Глава 2.

Маша сползла по двери на пол прямо в коридоре. Пакет с продуктами предательски порвался окончательно — перезрелое авокадо шмякнулось на ее новые белые кеды, оставляя жирное зеленое пятно. Она сидела посреди своей новой, свободной жизни, пахнущая чужими цитрусами, с испорченной обувью и горящими щеками.

— Да чтоб тебя! — в голос выругалась Маша, с остервенением оттирая жирное зеленое пятно бумажным полотенцем. Белоснежная ткань кед приобрела нездоровый болотный оттенок. — Из-за этого перекачанного орангутанга Сени я угробила новую пару!

Она с силой швырнула грязное полотенце в мусорное ведро, пнула ни в чем не повинный дверной косяк и побрела на кухню. Пакет окончательно сдался, оставив ее держать одинокую пачку макарон и помятую коробку молока.

Маша распахнула холодильник. Внутри было стерильно пусто. Она начала с психом записывать продукты на полки: молоко толкнула к стенке так, что оно глухо звякнуло, упаковку черри бросила как гранату, а багет воткнула вертикально, чуть не сломав батон пополам.

— Как?! — шипела она, хлопая дверцей холодильника. — Ну как так получается, что Сеня снова рядом? Это какой-то вселенский сбой матрицы! Я специально выбирала дом на другом конце города от родителей!

Она рухнула на барный стул и обхватила голову руками. Кеды противно липли к ламинату остатками авокадо. Щеки до сих пор горели огнем при воспоминании о том, как он стоял там — полуголый, наглый, пахнущий этим своим дурацким дорогим цитрусом, и смотрел на нее так, будто они уже полчаса назад лежали в одной кровати.

— Я проклята, — простонала она в ладони. — Точно проклята. Наверное, в прошлой жизни я сожгла его деревню или увела у него стадо мамонтов. По-другому этот бумеранг кармы не объяснить. И к бабке не ходи...

Маша резко замолчала. Ее глаза расширились. Она медленно опустила руки и посмотрела прямо перед собой, на календарь с рекламой суши-бара, прилепленный к холодильнику магнитиком.

— Точнее... надо сходить к бабке, — пробормотала она, вскакивая со стула. В голове пиарщика мгновенно закрутились шестеренки плана. — Пусть снимет эту чертову порчу.

— Ладно, надо успокоиться. Что там у нас.

Маша тяжело вздохнула, пытаясь сбросить липкую волну раздражения и мыслей о голых торсах. Она прошла в комнату, села за раскладной столик, который служил ей одновременно обеденным и рабочим, и открыла крышку ноутбука. Экран осветил ее лицо холодным синим светом.

На вкладке браузера было открыто оно — Резюме.

Ее гордость. Ее выстраданный результат четырех лет зубрежки лекций. Маша пробежала глазами по строчкам:

«Разработка PR-стратегий с нуля...»

«Успешное ведение трех учебных кейсов для реальных стартапов...»

«SMM, антикризисные коммуникации...»

Она откинулась на спинку стула, запрокинула голову назад и прикрыла глаза ладонью. Поза абсолютного поражения.

— Никому я не нужна, — глухо сказала она в потолок. Голос прозвучал жалко даже для нее самой. — Диплом есть — работы нет. Ну что такое? Красный диплом! Вы же сами мне его вручали, трясли руку на сцене! Где моя очередь из работодателей?

В голове пронеслись образы однокурсников. Ленка уже вела соцсети крупного застройщика, Димка уехал пиарить какой-то модный фестиваль в Сочи, а Сеня... Мысль о Сене была настолько невыносимой, что Маша резко выпрямилась. Нет. О нем она думать не будет. У него наверняка все схвачено через папу или смазливую улыбку. А она так хотела найти классную работу. Не просто «за копейки перекладывать бумажки», а настоящее дело, где можно творить, придумывать дерзкие кампании и видеть реальный результат.

Маша снова уставилась в монитор. Ей хотелось плакать от несправедливости. Она ведь была лучшая на курсе. Она умеет убеждать людей купить песок в пустыне. Почему вселенная подкинула ей соседство с Орловым, но забыла подкинуть нормальную вакансию?

Она закрыла ноутбук. Крышка захлопнулась с тихим, обреченным щелчком.

Взгляд Маши уперся в идеально белый матовый потолок. Она сложила руки лодочкой перед лицом, словно собираясь молиться. Затем развела ладони чуть в стороны, будто держа невидимый мяч, и начала смотреть вверх, беззвучно шевеля губами. Это был чистый, концентрированный акт отчаяния. Пиарщик высшей пробы пытался продать себя самому главному заказчику — Вселенной. Она посылала сигнал. Максимально четкий, таргетированный, без воды и лишних вводных конструкций.

«Ну пожалуйста, — транслировала она взглядом прямо в скрытые камеры мироздания. — Я хочу найти работу. Нормальную. Интересную. Чтобы начальник не смотрел на мою грудь, а клиенты не просили "сделайте нам красиво" за пакет гречки. Пожалуйста».

Она нахмурилась, усиливая мощность сигнала. Включила мысленную визуализацию: вот она сидит в стильном офисе с панорамными окнами, пьет латте из керамической чашки, а напротив серьезный креативный директор жмет ей руку. Никаких Сень. Никакого авокадо на кедах. Только успех, кондиционеры и высокая зарплата.

Сигнал ушел в открытый космос.

Маша сидела так, глядя в одну точку на потолке, наверное, целую минуту. Ничего не происходило.

— Господи, я схожу с ума, — прошептала она, опуская руки на колени. — Скоро начну разговаривать с кактусом.

Глава 3.

А в соседней квартире, за тонкой бетонной стеной, примерно в той же позе сидел Сеня. Он точно так же пялился в свой белый потолок, только вместо ноутбука перед ним стояла пустая коробка из-под пиццы и наполовину опустошенная бутылка воды. Сигнал во Вселенную он посылал уже часа два, просто делал это лежа на диване, закинув ноги на стену, и выглядел при этом максимально расслабленным.

Внутри же у Сени бушевала буря. Он злился. Злился глухо, по-детски, сжимая челюсти до желваков. Романова небось уже работу нашла, думал он. Сидит там сейчас, заполняет анкету о приеме на должность «Богиня коммуникаций», пьет смузи и смеется над тем, как уделала его в коридоре. Конечно, с такими ногами, как у нее, ее возьмут хоть куда. Ноги длиной в вечность. Бесит.

Он со злостью ударил кулаком по подушке. Диплом лежал на тумбочке рядом — такой же красный, как у Маши. Но если ей казалось, что дверь закрыта, то Сеня уперся в бронированные ворота родовой лояльности. И тут разразился трелью его телефон. На экране светилось одно слово: «Батя».

Сеня мученически закатил глаза, но ответил.

— Да, пап.

— Арсений, — голос отца в трубке звучал бодро, гулко и немного насмешливо, перекрывая шум дорогого ресторана на фоне. — Как дела? Нашел работу?

— Пока нет, — сухо отрезал Сеня, садясь ровно. — В процессе переговоров.

— Ну хватит уже, — добродушно хохотнул отец. — Поиграл во взрослого, я оценил. Молодец. Побегал по собеседованиям, понюхал жизнь. Теперь иди ко мне в команду. У меня для тебя готов отдел спецпроектов. Кабинет, личный ассистент, бюджет на год вперед. Хватит упираться, мать переживает за тебя. Ей стыдно говорить подругам, что ее сын сидит без работы, но зато с красным дипломом... То есть делает вид, что ищет себя.

У Сени побелели костяшки пальцев, которыми он сжимал смартфон. Вот оно. Опять. Его всегда считали мажором, который катается на папиной шее. И даже когда он намеренно пошел работать пешим курьером, чтобы доказать обратное и изучить город изнутри, люди все равно видели в нем лишь отпрыска топ-менеджера.

— Я хочу всего добиться сам, — произнес он медленно, чеканя каждое слово. Голос стал опасно тихим. — С нуля. Как когда-то вы с мамой всё сделали. Вы начинали в съемной однушке с линолеумом, который отклеивался по углам. Я тоже начну с низов. Мне не нужен твой отдел. Я хочу прийти к тебе партнером через пять лет, имея за спиной свои кейсы, а не твою фамилию в трудовой книжке.

На том конце провода повисла тяжелая пауза. Шум ресторана словно отдалился.

— Партнером? — наконец переспросил отец, и в его голосе исчезла всякая веселость. Остался только холодный металл. — Сынок, ты понимаешь, сколько времени сэкономишь? Годы грязи, лизоблюдства перед заказчиками, бессонных ночей ради копеечных премий. Я даю тебе лифт сразу на верхний этаж.

— А я хочу пройти пешком, — огрызнулся Сеня. — Чтобы знать каждый лестничный пролет. Не звони больше с этим предложением, пап. Я дам знать, когда буду готов возглавить направление. Настоящее направление, которое я построю сам.

Он сбросил вызов раньше, чем отец успел что-то возразить. Телефон жалобно пискнул, разрядившись до десяти процентов.

Сеня швырнул аппарат на диван и снова рухнул навзничь.

— Самостоятельный нашелся, герой романа, — пробормотал он в тишину пустой квартиры. — Жрать-то что будешь, самостоятельный? Завтра деньги закончатся, пойдешь клян-

чить гречку у Романовой. Она тебе даст. Сквозь зубы, с лекцией о карме, но даст. Потому что у нее эти чертовы ноги и доброе сердце.

Он резко замолчал, поймав себя на мысли, что думает о Маше слишком часто. Это раздражало еще сильнее, чем отказ отца.

Глава 4.

Утреннее солнце еще только лениво цеплялось за крыши высоток, а воздух был по-особенному свежим и прохладным — таким, каким он бывает в городе до того, как первый поток машин выжжет из него всю влагу. Маша решительно затянула шнурки на кроссовках. На ней были надеты бесформенные треники и старая отцовская олимпийка — лучшая броня от нежелательных знакомств.

Она глубоко вдохнула, проверяя телефон в специальном кармане на поясе, щелкнула замком двери и шагнула на лестничную площадку.

Прямо в этот же момент замок соседней квартиры тихо пискнул. Дверь открылась, выпуская Сенью.

Выглядел он так, будто собрался грабить банк или сниматься в клипе про очень уставших наемных убийц: черная футболка-поло, идеально сидящие серые брюки-карго и тяжелые армейские ботинки. От него пахло дорогим парфюмом и мятой. В руках он сжимал ключи от машины, которые небрежно крутил на пальце. Он явно не собирался бегать. Он вообще выглядел слишком глянцево для семи утра вторника.

Их взгляды столкнулись. Маше захотелось застонать в голос. Вселенная определенно работала в одну смену с отделом планирования комедийных ситуаций.

— Ты куда? — подозрительно спросила она, кивая на его безупречный вид. — В такую рань.

Сеня замер. Его лицо на секунду исказилось паникой. Он совершенно забыл о существовании соседей по утрам. По плану он должен был выйти, сесть в машину отца и уехать в закат, пока Романова спит. Но раз уж спалился...

Его мозг, привыкший импровизировать перед экзаменаторами, сработал мгновенно. Нельзя показывать слабость. Особенно ей.

— На работу, — бросил он максимально небрежно, даже не моргнув глазом. — Да. Устроился вот. Сам. Без папиных звонков.

Он выпрямился, принимая позу человека, который минимум вчера подписал контракт на миллион долларов, а сегодня просто едет проверить свои активы.

Маша удивленно вскинула брови. Обида, которая привычно сворачивалась клубком внутри при виде Сени, внезапно сменилась глухим, неприятным разочарованием. Конечно. Все у него всегда легко. Только диплом получил — и сразу пиарщик. Небось, сидит сейчас в стеклянном кабинете где-нибудь в Москва-Сити, пьет эспрессо и смотрит на город сверху вниз. А она тут потеет в старой олимпийке, потому что денег на нормальный спортивный костюм нет.

— Понятно, — протянула она, стараясь, чтобы голос звучал равнодушно, но предательски дрогнул на последнем слог. Расстроено. — Ну... удачи тебе. Не буду задерживать. Креативных концепций побольше.

Она резко развернулась на пятках спортивной обуви и почти побежала вниз по лестнице, громко стуча подошвами, лишь бы не слышать его ответ и не видеть самодовольную ухмылку. Ей казалось, что щеки горят от обиды. Почему жизнь настолько несправедлива? Одним — кабинеты, другим — стертые коленки на трениках.

Сеня проводил ее взглядом до лестничного пролета. Когда звук ее шагов стих внизу, расслабил плечи, которые держал намеренно расправленными, и тяжело привалился спиной к стене своей квартиры.

— Ну да, конечно, пиарщиком, — буркнул он себе под нос, глядя на дорогие часы. — Прямо в совет директоров без собеседования взяли. За красивые глаза и фамилию Орлов.

Он оттолкнулся от стены, вызвал лифт и спустился вниз.

Сеня прошел через арку в соседний двор, где его дожидался выдавший виды прокатный электросамокат с севшим на треть аккумулятором. Двадцать минут позора по плитке, рискуя собрать все бордюры, пересадка на фиолетовую ветку метро — душную, пахнущую чужими утренними зевками и дешевым кофе из бумажных стаканчиков. Еще одна пересадка на кольцевую. Толпа сдавила его со всех сторон, безнадежно помяв идеальные стрелки на брюках.

Через час он вынырнул из подземки у подножия стеклянной башни цвета застывшего неба.

Сеня глубоко вдохнул городской смог, поправил воротник футболки, стер невидимую пылинку с плеча и вошел внутрь. Холл встретил его ледяным кондиционером, запахом дорогого пластика и абсолютной тишиной. В центре зала, прямо под гигантской хрустальной люстрой, за стойкой из белого камня сидела она.

На ресепшн расположилась миловидная девушка. На ее бейдже аккуратным шрифтом было выведено: «Людмила».

Сеня мгновенно сменил маску уставшего работяги на свой коронный козырь — обаяние категории «А», которое обычно включалось автоматически при виде любой симпатичной девушки старше восемнадцати лет. Он подпорхнул к стойке так легко, словно не трясся полчаса в вагоне, зажатый между чей-то потной спиной и рюкзаком туриста.

— Людмила, — протянул он бархатным, чуть вибрирующим голосом, наклоняясь над стойкой ровно настолько, чтобы открыть вид на свои ключицы. Взгляд был теплым, изучающим и абсолютно уверенным. — Я на собеседование. У меня назначено на восемь ноль-ноль.

Люда моргнула. Ее мозг, привыкший фильтровать скучных соискателей в мятых рубашках, совершил критическую ошибку 404. При виде этого красавчика нейронные связи просто перегрузились. Она забыла, что нужно смотреть в монитор и сверять фамилию. Она видела только идеально очерченную линию челюсти, легкую небритость, которая выглядела как продуманный стиль, и эти невозможные карие глаза.

— На... себе-со-вание? — переспросила она, чувствуя, как предательски теплеют уши. Голос внезапно стал сиплым.

— Да, — мягко улыбнулся Сеня, одаривая ее взглядом, предназначенным для обложек журналов. Помощник руководителя. Департамент стратегического развития.

— Да-а... — Люда судорожно зашарила пальцами по клавиатуре, нажимая сразу пять лишних клавиш. — Проходите в десятый кабинет. Вас вызовут.

— Благодарю, сокровище, — мурлыкнул Сеня.

Он повернулся и пошел прочь легкой, танцующей походкой человека, который владеет этим зданием если не юридически, то хотя бы генетически. Его плечи были расправлены, спина — прямая линия совершенства.

Люда проводила его остекленевшим взглядом. А когда он отошел на безопасное расстояние, ее профессиональные инстинкты окончательно капитулировали. Она медленно, очень медленно привстала со своего офисного кресла, вытягивая шею, и выглянула из-за края высокой стойки.

Ее взгляд приклеился к его заднице.

Глава 5.

Сеня тем временем дошел до десятого кабинета. Он поправил одежду, выдохнул, придавая лицу выражение скучающего наследника миллионов.

Табличка гласила: «Александр Аркадьевич Дегтярёв. Директор департамента стратегических коммуникаций».

Сеня постучал костяшками пальцев — ровно два раза, ритмично и властно — и, не дожидаясь ответа, толкнул тяжелую дубовую дверь.

За массивным столом из черного дерева, под собственным панорамным окном с видом на город, сидел мужчина лет пятидесяти. Александр Аркадьевич был одет в костюм-тройку цвета горького шоколада, который стоил больше, чем весь гардероб Сени. Его лицо было гладко выбрито, а прищур серых глаз за тонкой оправой очков выдавал человека, который съел на завтрак не овсянку, а пару десятков молодых амбициозных специалистов.

— Доброе утро, — Сеня растянул губы в своей самой обезоруживающей улыбке и сделал шаг вперед, протягивая руку. — Арсений Орлов.

В другой руке он держал папку из дорогой кожи. Одним движением кисти он извлек оттуда свою анкету (где в графе «желаемая должность» гордо красовалось «Помощник руководителя») и красный диплом, запечатанный в прозрачный файл.

Александр Аркадьевич даже не посмотрел на бумаги. Он неторопливо снял очки, положил их на стол и прошелся по фигуре Сени тяжелым, оценивающим взглядом — от идеально уложенных волос до дорогих ботинок. Хитрый прищур стал только глубже. Этот старый лис видел людей насквозь. Он видел мажоров каждый день. Но этот парень... в нем чувствовалась какая-то неправильная, дикая искра.

— Ты принят, — внезапно сказал директор, откинувшись в кресле.

Сеня опешил. Так быстро? Без вопросов о KPI, без кейсов?

— Простите? — переспросил он на всякий случай.

— Бери блокнот и пиши, — проигнорировал его удивление Дегтярёв, кивнув на край стола. — Сегодня в десять ноль-ноль общее собрание совета директоров в большом зале. У меня на приставном столе должна стоять бутылка воды без газа. Строго температурой десять градусов. Ни девять, ни одиннадцать. Десять.

Сеня стоял посреди кабинета с раскрытым ртом, все еще сжимая в руках свой красный диплом. Внутри него рушилась картина мира. Это что сейчас было? Тест на стрессоустойчивость? Издевательство? Он пришел покорять вершины пиара, писать гениальные стратегии, а ему предлагают стать секретарем с термометром?

— Что? — тупо повторил он вслух.

Александр Аркадьевич поднял одну бровь. Взгляд стал стальным.

— Невозмутимо спрашиваю я, Орлов. Или у тебя проблемы со слухом?

Сеня сглотнул. Папка с дипломом дрогнула в руках. Вся его напускная бравада, весь гонор парня, который отказался от теплого места в компании отца ради самостоятельности, столкнулись с ледяной реальностью этого кабинета. Он промямлил, чувствуя, как предательски розовеют уши:

— Ну... я вообще-то на помощника руководителя пришел...

Директор надел очки обратно. Наклонился чуть ниже над столом, нависая над Сеней.

— И? — спросил он абсолютно будничным тоном, словно интересовался погодой. — Я руководитель. Ты — помощник. Просто пусть эта чертова бутылка стоит в назначенном месте в назначенное время.

Слова застряли у Сени в горле. Возразить было нечего. Логика была убийственной, хоть и абсурдной. Он молча опустил руки, прижимая злополучный диплом к груди, развернулся на деревянных ногах и вышел из кабинета, тихо прикрыв за собой дверь.

В приемной Люда все еще гипнотизировала панорамное окно. Услышав тихий щелчок замка, она вздрогнула и сделала вид, что крайне занята сортировкой почты — перекладывала одну и ту же пластиковую папку из левой стопки в правую.

Сеня подошел к ней со спины. Он остановился прямо у края ресепшена. Лицо его мгновенно стало серьезным, собранным и абсолютно непроницаемым — маска «Я теперь здесь власть», которую он подсмотрел у отца на советах директоров.

Люда медленно повернула голову. Ее глаза расширились от немногого вопроса.

— Ну что? — выдохнула она одними губами, подавшись вперед через столешницу так далеко, что едва не легла на нее грудью.

Уголок рта Сени дрогнул и пополз вверх. Он выдержал театральную паузу, наслаждаясь моментом своего триумфа перед этой восхищенной аудиторией, а затем одарил ее фирменной улыбкой победителя:

— Меня приняли. Теперь будем работать вместе.

Глаза Люды вспыхнули. Она прикрыла рот ладонью, но сдержать эмоции не смогла — широкая, искренняя улыбка расплылась до самых ушей, обнажая очаровательные ямочки на щеках.

— Правда? — пискнула она восторженно. — Вот так сразу?

— Я неотразим, — скромно пожал плечами Сеня, поправляя воротник несуществующей рубашки под футболкой. На самом деле внутри него все еще кричал от ужаса голос пиарщика: «Десять градусов!», — но показывать это было нельзя. Миф о всемогущем Арсении Орлове должен был жить.

Он небрежно махнул рукой на прощание, развернулся и пошел дальше по коридору — широким, легким шагом человека, который только что получил ключи от королевства. Его плечи были расправлены, подбородок гордо вскинут.

Взгляд Люды снова прилип к нему. Она смотрела ему вслед, пока он не скрылся за поворотом к лифтовым холлам. Взгляд намертво застрял на его заднице.

— Будем работать вместе, — мечтательно прошептала она пустой приемной, обмахивая себя папкой как веером. — Десять градусов... Да я лично буду дышать на эту бутылку арктическим холодом, Александр Аркадьевич!

Тем временем Сеня завернул за угол, прислонился лбом к прохладному стеклу стены-перегородки и тихо, отчаянно простонал. Сорок минут. До собрания совета директоров осталось сорок минут, а он понятия не имел, где в этом здании найти термометр.

Сеня прошёл вглубь коридора, и впереди наконец-то показалась столовая — яркая, с тёплым светом и запахом свежей выпечки. Он зашёл, быстро осмотрелся, заметил холодильник с водой и соками и не сдержал облегчённой улыбки.

— То, что мне нужно, — пробормотал он себе под нос, схватил бутылку прохладной воды и направился к кассе.

За кассой стояла женщина лет пятидесяти, полноватая, с ярким макияжем и такой уверенной осанкой, будто она тут не просто кассир, а хозяйка всего этажа. На бейдже значилось: «Наталья Викторовна».

Сеня положил бутылку и протянул карточку для оплаты.

Наталья Викторовна посмотрела на него с прищуром, чуть склонив голову:

— Новенький?

— Ага, — кивнул Сеня, стараясь звучать спокойно, хотя внутри всё ещё гудело от утреннего стресса. — Помощник Александра Аркадьевича.

Наталья Викторовна вдруг рассмеялась — громко, искренне, так, что даже пара посетителей у окна обернулись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.